



18+

ЗАПЛЫВ ДОМОЙ

ДЕБОРА

ОТ АВТОРА  
«ГОРЯЧЕГО МОЛОКА»

ЛЕВИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Интеллектуальный бестселлер

Дебора Леви

**Заплыв домой**

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-31(680)  
ББК 84(6Южн)-44

**Леви Д.**

Заплыв домой / Д. Леви — «Эксмо», 2011 — (Интеллектуальный бестселлер)

ISBN 978-5-04-091576-7

Когда две семейные пары приезжают на виллу недалеко от Ниццы, их ждет сюрприз – выходящая из бассейна обнаженная женщина. Ее зовут Китти Френч, она называет себя ботаником и странно себя ведет. Эта женщина-загадка внесет раздор в хрупкое устройство семьи. Кто она на самом деле? Что она делает на вилле? И почему ей разрешают остаться? «Заплыв домой» – роман с секретами. И главное, что волнует автора, – непознаваемая сущность человека.

УДК 821.111-31(680)

ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-04-091576-7

© Леви Д., 2011

© Эксмо, 2011

## Содержание

Приморские Альпы, Франция	6
На горной дороге. В полночь	7
Суббота	8
Дикий зверь	9
Интерпретация улыбки	13
Урок ботаники	15
На горной дороге. В полночь	19
Имитация жизни	20
Стены, которые смыкаются и размыкаются	24
О хороших манерах	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Дебора Леви

## Заплыв домой

Deborah Levy  
SWIMMING HOME

© 2011, Deborah Levy.

All rights reserved

Фото автора © Sheila Burnett

Фотография на переплете: © Michael Damanti / EyeEm / Gettyimages.ru

Серия «Интеллектуальный бестселлер»

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

\* \* \*

*Сэйди и Лейле,  
столь дорогим мне – навсегда*

*По утрам в каждой семье мужчины, женщины и дети, если у них  
не находится других дел, рассказывают друг другу свои сны. Мы все  
пребываем во власти сна, и наш долг перед собой – распространить эту  
власть и на мир бодрствующих.*

*«Сюрреалистическая революция», № 1, декабрь 1924.*

**Приморские Альпы, Франция**  
*Июль 1994*



## На горной дороге. В полночь

Когда Китти Финч убрала руку с руля и сказала, что любит его, он уже не понимал, что происходит: она ему угрожает или просто поддерживает разговор. Когда она горбилась над рулем, шелковое платье сползло с плеч. На дорогу выскочил кролик, машина вильнула. Он услышал свой голос словно издалека:

– Почему бы тебе не поехать в Пакистан? Ты же хотела увидеть тамошние маковые поля.

– Да, – сказала она.

Он чувствовал запах бензина. Ее руки, парившие над рулем, напоминали чаек, которых они считали из окна номера в отеле «Негреско» два часа назад.

Она попросила его открыть окно у пассажирского сиденья, чтобы ей было слышно, как в лесу перекликаются насекомые. Он опустил стекло и очень ласково попросил ее смотреть на дорогу.

– Да, – повторила она, все-таки сосредоточившись на шоссе.

Потом она сказала, что на Лазурном Берегу ночи всегда «нежные». А дни жесткие и пахнут деньгами.

Он высунул голову в окно, и холодный горный воздух обжег его губы. Когда-то в этом лесу, что теперь стал дорогой, жили древние люди. Они знали прошлое, обитавшее в камнях и деревьях. Они знали, что их желания сводят с ума, смущают, придают им загадочности и все портят.

Близость с Китти Финч была для него наслаждением и болью, потрясением, экспериментом, но прежде всего – ошибкой. Он опять попросил ее ехать помедленнее и доставить его домой в целостности и сохранности. Домой, где его ждали жена и дочка.

– Да, – сказала она. – Жизнь стоит того, чтобы жить, лишь потому, что мы надеемся, что когда-нибудь все наладится и мы вернемся домой целыми и невредимыми.

## Суббота



## Дикий зверь

Бассейн на территории туристической виллы больше напоминал пруд, чем томные голубые бассейны из рекламных буклетов. Пруд в форме прямоугольника, вырезанный из камня семейством итальянских каменотесов, поселившихся в Антибе. Тело плавало на глубокой стороне бассейна, где в густой тени сосен вода всегда оставалась прохладной.

– Там медведь?

Джо Джейкобс вяло махнул рукой в сторону бассейна. Он чувствовал, как солнце печет сквозь рубашку, которую его личный портной-индус сшил из отреза натурального шелка. Спина горела. На июльской жаре плавился даже асфальт на дорогах.

Его дочь Нина Джейкобс четырнадцати лет от роду стояла на краю бассейна в новом раздельном купальнике с вишнями и с тревогой поглядывала на мать. Изабель Джейкобс снимала джинсы, словно собиралась нырнуть. Краем глаза Нина видела, как Лора и Митчелл, давние друзья Джейкобсов, отдохавшие с ними на вилле, оставили чашки с чаем и подошли к каменным ступенькам на мелкой стороне. Лора, стройная великанша ростом в шесть футов и три дюйма, сбросила босоножки и вошла в воду по колено. Старый желтый надувной матрас ударился о мшистый бортик, раскидав пчел, плававших в воде на разной стадии умирания.

– Что там, Изабель?

С того места, где стояла Нина, было видно, что это женщина. Голая женщина плавает под водой. Ее руки раскинуты, как лучи морской звезды, длинные волосы колышутся, словно водоросли.

– Йозеф считает, что это медведь, – ответила Изабель Джейкобс бесстрастным голосом военного корреспондента.

– Если это медведь, я его подстрелю.

Митчелл буквально на днях приобрел два антикварных персидских ружья на блошином рынке в Ницце и только и думал, кого бы подстрелить.

Вчера они все обсуждали газетную статью о девяносточетырехкилограммовой медведице, спустившейся с гор близ Лос-Анджелеса и искупавшейся в бассейне одного голливудского актера. По данным лос-анджелесской Службы охраны животных, медведица была в течке. Актер вызвал спасателей. В животное выстрелили из ружья с транквилизатором и выпустили на волю в ближайших горах. Джо Джейкобс принялся рассуждать вслух, каково было зверюге плестись домой под дозой транквилизатора. Добралась ли она до дома? Может быть, она стала забывчивой и рассеянной? Не кружилась ли у нее голова, не начались ли галлюцинации? Возможно, из-за барбитуратов, содержащихся в шприце так называемого химического захвата, у медведицы тряслись лапы? Или транквилизатор помог ей справиться с затянувшимся стрессом, успокоил ее взбаламученный разум, и теперь она будет ходить по лесам и клянчить у егерей мелкую добычу, накачанную барбитуратовым сиропом? Джо замолчал только тогда, когда Митчелл наступил ему на ногу. Митчелл знал, что заставить паскуду-поэта (для читателей – ДГД, для всех остальных, кроме жены, – Джо) заткнуться очень и очень непросто.

Нина наблюдала, как ее мать нырнула в мутно-зеленую воду и подплыла к женщине. Наверное, маме было не привыкать извлекать из воды распухшие тела. Когда в эфир выходили ее репортажи, рейтинги новостных программ всегда поднимались. Мама исчезала в Северной Ирландии, Ливане или Кувейте, а потом возвращалась домой как ни в чем не бывало, словно выходила за молоком в магазин за углом. Рука Изабель Джейкобс уже потянулась к лодыжке женщины, плававшей под водой в их бассейне. Резкий яростный всплеск испугал Нину. Она подбежала к отцу. Он схватил за обгоревшее на солнце плечо, и она громко вскрикнула. Когда

из воды вынырнула голова, шумно хватая ртом воздух, на один жуткий миг Нине показалось, что эта голова ревет, как медведь.

Женщина с мокрыми волосами до пояса выбралась из бассейна и побежала к пластиковым шезлонгам. Совсем молодая, лет двадцати, может, чуть больше, но сложно было сказать наверняка, потому что она металась, как сумасшедшая, от одного шезлонга к другому в поисках платья. Платье упало на землю, но никто не подсказал: все тарасились на ее голое тело. На лютой жаре у Нины кружилась голова. Она задыхалась от горько-сладкого аромата лаванды, сгушавшегося в неподвижном воздухе. Хриплое дыхание странной женщины сливалось с жужжанием пчел в поникших цветах. Нина подумала, что, наверное, у нее солнечный удар. Казалось, она сейчас грохнется в обморок. Сквозь застилавшую глаза пелену она разглядела, что грудь у женщины на удивление пышная и большая для такой хрупкой фигуры. Кости таза выпирали из-под кожи, и поэтому казалось, что длинные ноги незнакомки держатся на шарнирах, как у куклы. Единственное, что представлялось реальным в этой «кукольной» женщине, – треугольник золотистых волос между ног, блестящих на солнце. При виде их Нина сгорбилась и скрестила руки на груди, чтобы ее собственное тело сделалось как можно меньше, а лучше бы и вовсе исчезло.

– Вот ваше платье.

Джо Джейкобс указал пальцем на кучку смятого синего хлопка под одним из шезлонгов. Они все так долго тарасились на нее, что это было уже неприлично. Женщина схватила платье и быстро надела через голову.

– Спасибо. Кстати, меня зовут Китти Финч.

На самом деле она сказала: «Меня зовут Кы-Кы-Кы», – и заикалась, наверное, минуты три, пока не дошла до «Китти Финч». Все с нетерпением ждали, когда она договорит.

Нина вдруг поняла, что ее мама по-прежнему сидит в бассейне. Когда она все-таки выбралась из воды, ее мокрый купальник был облеплен серебристыми сосновыми иглами.

– Меня зовут Изабель. Мой муж думал, что вы медведь.

Джо Джейкобс скривил губы, чтобы не рассмеяться.

– Ничего я такого не думал.

Глаза Китти Финч были серыми, как тонированные стекла «мерседеса», взятого Митчеллом в прокате и теперь припаркованного перед виллой.

– Надеюсь, вы не сердитесь, что я искупалась в бассейне. Я только приехала, а сегодня так жарко. Случилась накладка со сроком аренды.

– Какая накладка? – Лора смотрела на молодую женщину с такой неприязнью, словно та вручила ей штрафной талон за парковку в неподобающем месте.

– Ну, я думала, что буду жить здесь две недели начиная с этой субботы. Но здешний смотритель...

– Если можно назвать смотрителем этого вечно укуренного лентяя Юргена, – скривился Митчелл. Произнося это имя, он аж вспотел от отвращения.

– Да. Юрген говорит, я перепутала даты и теперь мне придется распотрошить депозит. Я потеряю проценты.

Юрген, хиппи из Германии, вечно все путал и никогда ничего не знал наверняка. Он называл себя «дитя природы» и не расставался с «Сиддхартхой» Германа Гессе.

Митчелл воздел вверх указательный палец:

– Есть вещи страшнее, чем потеря процентов по депозиту. Мы собирались вас усыпить и оттащить в горы.

Китти Финч подняла левую ногу и медленно вытащила занозу из пятки. Она посмотрела на Нину, которая все еще пряталась за спиной у отца, и улыбнулась:

– Красивый купальник. – У Китти были кривые передние зубы, наезжавшие друг на друга. Ее волосы, высыхая, закручивались медно-рыжими кудрями. – Как тебя зовут?

– Нина.

– Скажи мне, Нина, по-твоему, я похожа на медведя?

Она скрючила пальцы, как когти, и сделала вид, что вонзает их в синее небо без единого облачка. Ее ногти были накрашены темно-зеленым лаком.

Нина покачала головой, потом проглотила слюну не в то горло и закашлялась. Все расселись. Митчелл плюхнулся в кошмарного вида синее кресло, потому что был самым толстым, а кресло – самым большим. Лора села на розовый плетеный стул, Изабель и Джо – в белые кресла-шезлонги. Нина примостилась на краешке папиного шезлонга и принялась возиться с пятью серебряными кольцами для пальцев ног. Эти кольца ей подарил Юрген сегодня утром. Все расположились в тени, и лишь Китти Финч осталась на солнцепеке и неловко присела на корточки на раскаленных каменных плитах.

– Вам негде сесть. Я принесу стул.

Изабель отжала кончики мокрых волос. Капли воды заблестели у нее на плечах и поползли вниз по руке, как змеи.

Китти густо покраснела и покачала головой:

– Не надо. Не беспокойтесь, пы-пы-пожалуйста. Я просто жду Юргена. Он мне скажет название отеля, и я сразу уйду.

– Конечно, вам надо сесть.

Лора озадаченно и даже немного встревоженно наблюдала, как Изабель тащит к бассейну тяжеленный деревянный стул, покрытый пылью и паутиной. На пути встретились препятствия. Красное ведро. Разбитый цветочный горшок. Два пляжных зонта, вбитых в бетонные тумбы. Ей никто не помог, потому что никто толком не понял, что она собирается сделать. Изабель, уже успевшая заколоть мокрые волосы большой заколкой в виде лилии, поставила стул между своим шезлонгом и шезлонгом мужа.

Китти Финч нервно взглянула на Изабель и на Джо, словно никак не могла понять, что происходит: ей предлагают стул из любезности или чуть ли не силой принуждают присесть. Она принялась смахивать паутину подолом платья, слишком старательно и слишком долго, но потом все-таки села. Лора сложила руки на коленях, будто готовилась провести собеседование с соискателем на работу.

– Вы бывали здесь раньше?

– Да. И не раз.

– Чем вы занимаетесь? – Митчелл выплюнул в миску косточку от оливки. – Вы работаете?

– Да, я ботаник.

Джо погладил порез от бритвы у себя на подбородке и улыбнулся Китти:

– В вашей профессии много диковинных слов.

Его голос был на удивление мягким, словно он чувствовал, что Китти Финч обижает допрос, который ей учинили Лора с Митчеллом.

– Да. Джо обожает ди-ко-вин-ные слова, потому что он поэт. – Слово «диковинные» Митчелл произнес, подражая аристократу в эстетическом ступоре.

Джо откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Не обращайтесь на него внимания, Китти, – небрежно проговорил он, но, кажется, замечание Митчелла его задело. – Митчеллу все ди-ко-вин-но. Как ни странно, это лишь укрепляет его уверенность в своем превосходстве.

Одну за другой Митчелл засунул в рот пять оливок и выплюнул косточки, целясь в Джо, словно это были пули из его антикварных ружей.

– А пока что... – Джо чуть подался вперед. – Может быть, вы нам расскажете, что такое семядоли?

Китти кивнула и подмигнула Нине.

– Семядоли – это эмбриональные листья. Они же становятся первыми листьями саженца, когда он прорастает. – Ее заикание как будто прошло.

– Все верно. А теперь мое любимое слово... Как бы вы описали лист?

– Китти, – строго проговорила Лора, – здесь много отелей. Наверное, вам надо пойти поискать себе номер.

Наконец пришел Юрген с длинными серебристыми дредами, собранными в хвост на затылке, и сообщил, что до четверга все отели в деревне заполнены под завязку.

– Значит, до четверга поживете у нас. – Изабель произнесла это так, словно сама удивилась тому, что сказала. – Кажется, у нас есть свободная комната.

Китти нахмурилась и откинулась на спинку стула.

– Да, спасибо. А все остальные не возражают? Если вы против, скажите сразу.

Нине казалось, что Китти Финч чуть ли не просит их возразить. Сама Китти сидела вся красная, судорожно поджимая пальцы ног. Нина чувствовала, как колотится ее собственное сердце. Бьется, словно в истерике, глухо стучит о ребра. Посмотрела на Лору и увидела, что та сплела пальцы в замок. Лора явно собиралась сказать, что она против. Они с Митчеллом на все лето закрыли свой магазин в Юстоне, зная, что окна, которые в этом году уже трижды разбивали воры и наркоманы, к осени будут разбиты снова, и поехали в Приморские Альпы, чтобы избежать бесполезных усилий и трат на замену разбитых стекол. Лора поймала себя на том, что мучительно подбирает слова. Эта юная рыжеволосая женщина напоминала окно, которое только и ждет, что в него кто-то залезет. Окно, которое, как Лора смутно догадывалась, уже было надтреснуто. Она не могла быть уверена на сто процентов, но ей казалось, что Джо Джейкобс уже втиснул ногу в разлом и жена ему помогла. Она тихонько откашлялась и собиралась высказать все начистоту, но ее мысли были настолько сумбурны и невыразимы, что, пока она думала, что сказать, Юрген ее опередил:

– Ну что, Китти-Котя, я отнесу твои вещи в комнату?

Все посмотрели туда, куда Юрген указывал желтым от никотина пальцем. Слева от застекленных парадных дверей виллы лежали две синие холщовые сумки.

– Спасибо, Юрген.

Китти небрежно взмахнула рукой, словно он был ее личным лакеем.

Юрген наклонился и подхватил ее сумки.

– Что это за веник? – Он потыкал пальцем в спутанный клубок цветущих растений, торчавших из второй сумки.

– Я их нашла на церковном кладбище рядом с кафе Клода.

Юрген, кажется, впечатлился.

– Надо назвать их травой Китти-Коти. Это научно-исторический факт. Охотники за растениями часто давали собственные имена своим находкам.

– Ага.

Она смотрела мимо него прямо в темные глаза Джо Джейкобса, как бы говоря: «Юрген ласково называет меня Китти-Котей».

Изабель подошла к краю бассейна и нырнула. Она плыла под водой, вытянув руки вперед, и увидела на дне бассейна свои часы. Резко ушла вниз и подхватила их с зеленой кафельной плитки. Когда она вынырнула, старая англичанка, жившая по соседству, помахала ей со своего балкона. Изабель помахала в ответ и только потом поняла, что Маделин Шеридан машет Митчеллу, который громко ей кричит.

## Интерпретация улыбки

– Мад-лееен!

Ее зовет этот толстяк, обожающий старинные ружья и пистолеты. Маделин Шеридан, сидевшая на балконе в плетеном кресле, подняла руку, скрюченную артритом, и помахала ему двумя вялыми пальцами. Ее тело превратилось в свалку испорченных запчастей. Она окончила медицинский, она знает, что скелет ее кисти состоит из двадцати семи костей, только в запястье – восемь, в ладони – пять. Ее пальцы пронизаны нервными окончаниями, но теперь эти пальцы уже с трудом шевелятся.

Маделин хотела напомнить Юргену, который заносил в дом сумки Китти Финч, что через шесть дней у нее день рождения, но она не собиралась выглядеть в глазах английских туристов жалкой, истосковавшейся по человеческому вниманию старухой. Возможно, она уже умерла и теперь наблюдает с того света за драмой прибытия юной барышни? Четыре месяца назад, в марте, когда Китти Финч жила на туристической вилле одна (вероятно, приехала изучать горные растения), она сообщила Маделин Шеридан, что помидорам нужно пространство и ветер, чтобы у них выросли крепкие стебли, и предложила проредить листья. Занимаясь прополкой, она что-то шептала себе под нос; пы-пы-пы, кы-кы-кы – неприятные, жесткие звуки падали с ее губ, точно камни. Маделин Шеридан, искренне убежденная, что прежде, чем сдать и сойти с ума, человек должен многое выстрадать, попросила ее замолчать. Прекратить издавать эти звуки. Немедленно. Сегодня суббота, и эти звуки вернулись во Францию, чтобы ее изводить. Им даже предложили комнату на вилле.

– Мад-лееен! Сегодня я буду готовить говядину. Придете к нам ужинать?

Сверху лысина Митчелла напоминала блестящий розовый купол. Маделин Шеридан шурилась на ярком солнце. Мясо она любила, и по вечерам ей частенько бывало одиноко. Она задумалась, хватит ли ей решимости отказаться от приглашения Митчелла. Да, наверное, хватит. Когда семейные пары предлагают одиноким скитальцам приют или пищу, на самом деле их не принимают в семью. С ними играют. Разыгрывают перед ними спектакль. А когда представление подходит к концу, гостю со всей деликатностью намекают, что пора и честь знать. Супруги только и делают, что старательно разрушают жизни своих половинок, делая вид, что желают им только добра. Одинокие гости лишь отвлекают их от излюбленного занятия.

– Мад-лееен!

Кажется, Митчелл взвинчен сильнее обычного. Вчера он сказал ей, что видел в Вильфранш-сюр-Мере Кита Ричардса. Ричардс пил пепси, и Митчеллу очень хотелось к нему подойти и попросить автограф. Но он все-таки не подошел, потому что, по его словам, «со мной был паскуда-поэт, и он грозился дать мне пинка за то, что я такой нестерпимо нормальный».

Митчелл с его рыхлыми, креветочно-розовыми руками весьма позабавил Маделин, когда угрюмо заметил, что Джо Джейкобс не из тех утонченных поэтов, кто мечтательно глядит на луну и у кого напрочь отсутствует мышечный тонус. Джо способен зубами поднять платяной шкаф. Особенно если в шкафу прячется красивая баба. Когда две недели назад на виллу приехали английские туристы, Джо Джейкобс (ДГД на обложках книг; но Маделин о нем даже не слышала) пришел к ней за солью. День выдался особенно жарким, но Джо вырядился в зимний костюм, и когда она выразила удивление, он объяснил, что сегодня день рождения его сестры и в ее день рождения он в знак уважения всегда надевает костюм.

Это ее озадачило, потому что она как раз думала о собственном дне рождения. Строгий темный костюм больше подходил для похорон, но сам Джо был настолько любезен, обаятелен и обходителен, что Маделин предложила ему отведать андалузский миндальный суп, который

приготовила тем утром. Он пробормотал: «С большим удовольствием», – и она налила щедрую порцию супа в свою любимую керамическую пиалу и пригласила его сесть на балконе. И тут случилось ужасное. Джо отпил глоточек и почувствовал, как что-то застряло в зубах. Это был ее волос. Длинный седой волос каким-то образом попал в пиалу. Да, неприятно. Маделин бросилась извиняться, но все равно не совсем поняла, с чего его так трясет. У него и вправду дрожали руки, и он так резко отставил пиалу, что суп пролился прямо на его несуразный костюм, на пиджак со щегольской подкладкой из розового шелка. Она думала, что поэт поведет себя более деликатно. Он мог бы сказать: «Ваш суп был как жидкое облако».

– Мад-лееен!

Митчелл даже не мог правильно произнести ее имя. Может быть, потому, что его самого звали так по-дурацки. Перспектива жить под одной крышей с Китти Финч явно привела его в ужас, и Маделин это не удивляло. Она прищурилась, с удовольствием глядя на свои уродливые босые ступни. Как приятно, когда не надо упихивать ноги в носки и ботинки! Маделин прожила во Франции пятнадцать лет, оторванная от страны своего рождения и родного языка, и до сих пор испытывала глубочайшую благодарность за возможность ходить босиком. Она вполне обойдется без куска сочной говядины, приготовленной Митчеллом. И она еще не сошла с ума, чтобы рискнуть провести вечер в компании Китти Финч, которая делает вид, что в упор Маделин не замечает. Прямо сейчас Китти вместе с Ниной Джейкобс с таким рвением вылавливает из бассейна сосновые шишки, словно от этого зависит ее жизнь. Маделин Шеридан, которой через шесть дней исполняется восемьдесят, не опустится до того, чтобы лицедействовать в роли степенной старухи за обеденным столом на туристической вилле. За тем самым столом, который Юрген купил на блошином рынке и отполировал воском и парафином. Больше того, Юрген полировал этот стол в одних трусах, потому что стояла аномальная жара. Маделин приходилось отводить глаза, чтобы не видеть, как он обливается потом в «исподнем», как она деликатно это называет.

В небе парил орел. Наверное, видел мышей, шнырявших в нескошенной траве в саду.

Маделин крикнула Митчеллу, что, к сожалению, сегодня не сможет прийти на ужин, но он, похоже, ее не услышал. Он наблюдал, как Джо Джейкобс заходит в дом за шляпой. По всей видимости, Китти Финч собиралась вывести английского поэта на прогулку в поля и показать ему цветы. Маделин Шеридан не могла сказать наверняка, но ей показалась, что сумасшедшая девушка в ореоле пылавших на солнце рыжих волос улыбалась ей снизу.

Используя лексику военных корреспондентов (а Маделин знала, что Изабель Джейкобс как раз и была военным корреспондентом), она могла бы сказать, что Китти Финч улыбалась ей с явно враждебными намерениями.

## Урок ботаники

Повсюду стояли таблички, сообщавшие, что сад является частной собственностью, но Китти настойчиво утверждала, что она знакома с фермером и никто не спустит на них собак. Последние двадцать минут она только и делала, что указывала на деревья, которые, по ее мнению, «явно хворали».

– Вы замечаете только больные деревья? – Джо Джейкобс прищурился на солнце и, затеяв глаза руками сплошь в комариных укусах, посмотрел в ярко-серые глаза Китти.

– Да, наверное.

Ему показалось, он слышит в высокой траве звериное рычание. Он сказал Китти, что это, должно быть, собака.

– Не переживайте о собаках. У здешнего фермера две тысячи оливковых деревьев. Ему есть чем заняться кроме того, чтобы бегать за нами с собаками.

– Что ж, будем надеяться, что такое количество деревьев его отвлечет, – пробормотал Джо.

Его черные кудри, уже посеребренные сединой, липли к ушам. Потрепанная соломенная шляпа то и дело сползала и падала. Китти приходилось забегать к нему за спину и поднимать шляпу с земли.

– Ой, две тысячи... это не много... совсем не много.

Она наклонилась, чтобы рассмотреть полевые цветы, росшие в высокой белой траве, доходившей ей до колен.

– Это *Bellis perennis*. – Она сорвала пригоршню белых соцветий, похожих на мелкие ромашки, и отправила их в рот. – Каждое растение принадлежит к какому-то семейству.

Китти Финч зарылась лицом в цветы и принялась перечислять их названия на латыни. На него произвело впечатление, как бережно она держит растения и как доверительно рассказывает о них, словно о близких знакомых. Как будто это и вправду была семья со своими проблемами и диковинными особенностями. Потом Китти сказала, что больше всего на свете ей хочется увидеть маковые поля в Пакистане.

– На самом деле, – призналась она, явно нервничая, – я написала об этом стихотворение.

Джо резко остановился. Так вот зачем она здесь!

Молодые женщины, которые преследовали его и хотели, чтобы он прочитал их стихи – и теперь он был уверен, что она тоже одна из них, – всегда начинали с признания, что написали стихотворение о чем-то незаурядном. Они с Китти шагали бок о бок, пробивая тропинку в высокой траве. Он ждал, когда она заговорит, когда обратится к нему со своей скромной просьбой, ждал, когда она скажет, что начала писать стихи под влиянием его книг, сбивчиво объяснит, как ей удалось выследить его во Франции, а потом спросит, не окажет ли он ей любезность, если, конечно, у него есть время, сможет ли он прочесть ее крошечное стихотворение, вдохновленное им самим.

– Стало быть, вы прочли все мои книги и приехали следом за мной во Францию, – резко проговорил он.

Ее щеки снова залились румянцем. И щеки, и длинная шея.

– Да. Рита Дуайтер, владелица виллы, – приятельница моей мамы. Рита сказала мне, что вы сняли виллу на лето. В межсезонье она разрешает мне жить на вилле бесплатно. Но в этот раз мне нельзя было сюда, потому что ВВІ ее зы-за-зы-заполонили.

– Какое же сейчас межсезонье, Китти? Июль – это самый разгар сезона, разве нет?

У нее был явный акцент жительницы северной части Лондона. И кривые передние зубы. Когда Китти не заикалась и не краснела, она напоминала скульптуру из воска, отлитую в сумрачной венецианской мастерской. Для ботаника, которому, по идее, следует часто бывать

на открытом воздухе, она казалась слишком бледной. Мастер, ее сотворивший, был настоящим умельцем. Она умела плавать, краснеть и плакать и знала слова вроде «заполонить».

– Может быть, сядем в тенечке?

Джо указал на большое дерево, окруженное камнями.

Толстый коричневый голубь уселся на тонкую ветку, которая тут же прогнулась под ним и грозила сломаться.

– Хорошо. Кстати, это лы-лы-лещина. Лесной орех.

Он устремился вперед прежде, чем она закончила фразу, и сел на землю, привалившись спиной к стволу. Китти замаялась, словно ей не хотелось садиться с ним рядом, и он похлопал рукой по земле, расчищая ту от упавших листьев и тонких веточек. Китти все-таки села и расправила на коленях свое полинявшее платье из синего хлопка. Он не столько услышал, сколько почувствовал, как под тонкой тканью колотится ее сердце.

– Когда я пишу стихи, я всегда представляю, что читаю их вслух для тебя.

Они уже перешли на «ты», как-то естественно и незаметно.

Вдалеке прозвенел колокольчик. Как будто где-то в саду паслась козочка, невидимая в высокой траве.

– Почему ты дрожишь?

Он чувствовал запах хлорки, исходивший от ее волос.

– Да. Я прекратила принимать таблетки, и теперь у меня дрожат руки.

Китти придвинулась чуть ближе к нему. Он сначала не понял, как к этому отнестись, но потом увидел, что она уклоняется от цепочки красных муравьев, марширующих у нее под ногами.

– Что за таблетки?

– Я решила пока обойтись без них. Знаешь... это даже приятно: снова почувствовать себя несчастной. Когда я принимаю таблетки, вообще ничего не чувствую.

Она прихлопнула муравья, заползшего ей на ногу.

– Об этом я тоже писала. Стихотворение называется «Собирая розы под сероксатом».

Джо достал из кармана лоскут зеленого шелка и высморкался.

– Что такое сероксат?

– Ты знаешь, что это такое.

– Все равно расскажи, – сказал он, шмыгнув носом.

– Сероксат – очень сильный антидепрессант. Я сидела на нем много лет.

Китти смотрела в небо, вдавленное в вершины гор. Он сам не понял, как так получилось, но он потянулся к ее холодной дрожащей руке и крепко сжал. Она правильно сделала, что возмутилась вопросом. Он сжимал руку Китти, и это было безмолвное признание: он знает, что она читала его стихи, потому что в стихах он рассказал всю правду о своей юности на таблетках. Когда ему было пятнадцать, он разрезал себе запястье. Ничего серьезного. Легкий порез. Просто эксперимент. Бритва была холодной и острой. Его запястье – теплым и мягким. Они вовсе не предназначены друг для друга, запястье и бритва, это была детская игра в снап. Он забрал себе все карты.

Врач, старый венгр с волосами в ушах, не поверил, что это всего лишь игра. Врач задавал вопросы. Врач хотел знать всю его биографию. Имена, места и даты. Как звали маму, отца и сестру? На каком языке говорили у них в семье? Сколько ему было лет, когда он видел родителей в последний раз? Джо Джейкобс не стал отвечать. Он грохнулся в обморок прямо в кабинете, и в результате его подростковые годы прошли в плотном тумане транквилизирующих препаратов. Или, как он написал в своем самом известном стихотворении, переведенном нынче на двадцать три языка: злая фея заключила со мной договор: «ты отдашь мне свою историю, а я дам тебе что-то, что заставит тебя забыть».

Он наконец посмотрел на нее; ее лицо было белым как мел. Мокрые щеки блестели.

– Что с тобой? Почему ты плачешь?

– Все нормально. – Ее голос был скучным и тусклым. – Я рада, что мне удалось сэкономить и не потратиться на отель, но не ожидала, что твоя жена пригласит меня остаться на вилле.

Ему на лоб сели три мошки, но он не отпустил ее руку, чтобы их смахнуть. Протянул ей лоскут зеленого шелка, который использовал вместо носового платка.

– На, вытри лицо.

– Не нужен мне твой платок. – Она швырнула лоскут ему на колени. – Я ненавижу, когда мне говорят: «Вытри лицо». Как будто я грязный пол.

Он не был уверен, но кажется, это тоже была строка из его стихотворения. Не слово в слово, но достаточно близко. Он заметил на ее левой лодыжке царапину, и она сказала, что ее поцарапала его жена, когда схватила за ногу в бассейне.

Коза подошла ближе. Когда она шевелилась, колокольчик звенел. Когда застывала на месте, звон умолкал. Джо сам не знал почему, но его это тревожило. Он снял с плеча крошечного зеленого сверчка и посадил на раскрытую ладонь Китти.

– Я тут подумал... Ты написала стихи и хочешь, чтобы я их прочел, так?

– Да. Всего одно стихотворение. – Ее голос вновь сделался тусклым и скучным. Она отпустила сверчка, и тот скрылся в траве. Она проводила его глазами. – Это как бы разговор с тобой.

Джо поднял тонкую ветку, упавшую с дерева. Толстый голубь у него над головой явно испытывал судьбу. Рядом росли ветки покрепче, но он упорно сидел на месте. Джо сказал Китти, что прочтет ее стихотворение сегодня вечером. Он ждал, что она скажет ему спасибо.

Он ждал. Ее благодарности. За его время. За его внимание. За его щедрость. За то, что он защитил ее от Митчелла. За его общество и его слова, за поэзию, из-за которой она разыскала его аж во Франции. Он ждал, но так и не дождался.

– Кстати. – Он смотрел на ее бледные лодыжки, усеянные раздавленными муравьями. – Я никому не скажу, что ты принимала таблетки и все такое... Это будет наш секрет.

Она пожала плечами.

– На самом деле все знают. И Юрген, и доктор Шеридан, и все остальные в деревне. К тому же я прекратила принимать таблетки.

– Маделин Шеридан – врач?

– Ага. – Она поджала пальцы на ногах. – У нее есть друзья в больнице, в Грасе, так что при ней лучше делать вид, что ты счастлив и у тебя все под контролем.

Он рассмеялся – а потом, чтобы он рассмеялся еще сильнее, всем своим видом показывая, что счастлив и у него все под контролем, она сообщила, что ничто, АБСОЛЮТНО НИЧТО, не останется в секрете, если об этом знает Юрген.

– Как любой беззаботный человек, он прижмет руку к сердцу и скажет, что его рот на замке. Только рот у Юргена не закрывается никогда, потому что он не вынимает изо рта косяк.

Джо Джейкобс знал, что следует расспросить ее поподробнее. По примеру его жены-журналистки, которая знает, как задавать правильные вопросы. Кто, когда, почему, как и где – и все остальные слова, придуманные для того, чтобы жизнь была более слаженной. Но Китти почти ничего о себе не рассказывала. По дороге в сад она сообщила, что бросила работу в парке Виктория в Хакни, где убирала опавшие листья и стригла газоны. На нее набросилась с ножом банда каких-то парней, потому что, когда она принимала таблетки, у нее заплетались ноги и она была легкой добычей.

Они снова услышали колокольчик.

– Что это? – Китти поднялась на ноги, пристально вглядываясь в высокую траву.

Джо видел, как выпирают под платьем ее острые позвонки. Он опять уронил шляпу. Китти ее подняла, отряхнула от пыли кончиками ярко-зеленых ногтей и протянула ему.

– Ой!

Китти воскликнула «Ой», потому что трава зашевелилась и среди выбеленных солнцем травинок замелькали блики розового и серебряного. Кто-то шел прямо к ним. Потом трава расступилась, и перед ними предстала Нина в купальнике с красными вишнями. На пальцах ее босых ног сверкали пять индийских колец, подаренных Юргеном. Пять серебряных колец с крошечными колокольчиками.

– Я тебя искала. – Она посмотрела на папу, который как будто держал Китти Финч за руку. – Мама поехала в Ниццу. Сказала, что надо сдать туфли в починку.

Китти глянула на часы на своем тонком запястье.

– Ремонты обуви в Ницце уже закрыты.

Из высокой травы вынырнули три большие собаки и принялись с рычанием кружить вокруг них. Суровый фермер возник словно из ниоткуда и сообщил обильно потевшему английскому поэту, что тот нарушает границы частных владений. Красивая английская девушка сорвала со своей летней шляпы тюлевый шарф и протянула его насупленному поэту.

– На, вытри лицо, – сказала она, а потом обратилась к фермеру по-французски с настойчивой просьбой отозвать собак.

Когда они вернулись на виллу, Джо прошел сквозь полосу кипарисов в маленький садик, где он поставил себе стол и стул, чтобы работать в теничке. Уже две недели он называл это место своим кабинетом и доходчиво объяснял всем и каждому, что, когда он работает, его нельзя отвлекать, даже если он заснет за столом. Сквозь просветы в ветвях кипарисов он видел Лору, сидевшую у бассейна в выцветшем плетеном кресле. Митчелл принес ей огромную миску с клубникой.

Сонно глядя на Лору с Митчеллом, евших клубнику, он вдруг поймал себя на том, что засыпает. Кстати, забавное выражение: поймать себя на чем-то. Сиречь неожиданно обнаружить себя... Где? Когда? Где угодно, повсюду, в любое время. И лучше бы, чтобы это «повсюду» было местом приятным и тихим, местом без боли и надвигающихся угроз. Сидеть за столом в тени старого дерева вместе с семьей. Фотографировать Венецию из гондолы, плавно плывущей по водам канала. Смотреть фильм в пустом кинотеатре, держа в руке банку с пивом. В полночь мчаться в машине по горной дороге сразу после того, как вы с Китти Финч занимались любовью.

## На горной дороге. В полночь

Уже темнело, и она сказала, что тормоза на взятой в прокате машине совершенно убитые и что она ни хрена не видит, не видит даже собственных рук.

Когда она горбилась над рулем, шелковое платье сползло с плеч. Кролик выскочил на дорогу, машина вильнула. Он велел ей смотреть на дорогу, просто смотреть на дорогу, и пока он говорил, она целовала его, не прекращая рулить. Она попросила его открыть окно у пассажирского сиденья, чтобы ей было слышно, как в лесу перекликаются насекомые. Он опустил стекло и снова сказал: «Смотри на дорогу». Он высунул голову в окно, и холодный горный воздух обжег его губы. Когда-то в этом горном лесу жили древние люди. Они знали прошлое, обитавшее в камнях и деревьях. Они знали, что их желания сводят с ума, смущают, придают им загадочности и все портят.

– Да, – сказала Китти Финч, все-таки сосредоточившись на дороге. – Я знаю, о чем ты думаешь. Жизнь стоит того, чтобы жить, лишь потому, что мы надеемся, что когда-нибудь все наладится и мы вернемся домой целыми и невредимыми. Но ты не вернулся домой невредимым. Ты вообще не вернулся домой. Поэтому я и приехала, Йозеф. Я примчалась во Францию, чтобы спасти тебя от твоих собственных мыслей.

## Имитация жизни

Изабель Джейкобс сама толком не знала, зачем солгала, что везет туфли в починку. Просто еще один пункт в длинном списке вещей, которых она не совсем понимала или не понимала совсем. После прибытия Китти Финч все стало так странно. Чтобы изо дня в день хоть как-то держаться, она могла лишь подражать той Изабель, которой была раньше, но теперь ей казалось, что та Изабель, какой она была раньше, больше не стоила того, чтобы ей подражать. Мир стал загадочным и непонятным. И она сама стала такой же. Перестав понимать свои чувства, она уже не разбиралась в мотивах собственных поступков и совершенно не представляла себе, почему предложила свободную комнату молодой женщине, которую видела впервые в жизни. Она съехала с горной дороги, наскребла мелочи на оплату дорожного сбора, заблудилась в Вансе и попыталась вернуться в пробку на приморском шоссе в Ниццу. Возбешенные водители сигналили, махали руками, открывали окна и что-то сердито кричали. Маленькие холеные собачки на задних сиденьях автомобилей смотрели насмешливо и презрительно, словно они тоже считали ее идиоткой, не умеющей ездить по улицам с односторонним движением.

Изабель поставила машину напротив пляжа под названием Опера-Пляж и пошла к отелю «Негреско», чей розовый купол она узнала по фотографии на карте, прикрепленной к памятке для отдыхающих, которая прилагалась к вилле. Целый абзац в этой памятке посвящался отелю «Негреско», самому старому и самому шикарному отелю на Английской набережной. Здание в стиле «бель-эпок» было построено в 1912 году по заказу венгерского эмигранта Анри Негреско, который стремился привлечь в Ниццу «самый цвет общества».

Ветер с моря дул через дорогу, отделявшую ее от переполненных пляжей. Дуновение грязного города казалось гораздо приятнее, чем пронзительно-свежий горный воздух, который, кажется, лишь обострял все печали. Здесь, в Ницце, пятом по величине городе Франции, Изабель могла раствориться в толпе туристов, словно ее не заботит ничего, кроме убийственных цен на прокатные шезлонги на пляжах Лазурного берега.

Женщина с шапкой крашенных хной волос с химической завивкой остановила ее и спросила, как пройти на улицу Франсуа Он. Стекла ее больших темных очков были испачканы чем-то похожим на разводы от высохшего молока. Она говорила по-английски с сильным акцентом. Изабель показалось, что с русским. Женщина указала рукой, унизанной тяжелыми кольцами, на лежавшего под мотоциклом механика в замасленном синем комбинезоне, словно хотела, чтобы Изабель узнала у него дорогу. В первый момент Изабель растерялась, не понимая, почему к ней обращаются с такой просьбой, но потом сообразила, что женщина – слепая и слышит, как механик возится с мотоциклом.

Изабель присела на корточки рядом с механиком и показала ему бумажку, которую женщина впихнула ей в руку. Механик ткнул пальцем на многоквартирный дом через дорогу. Женщина стояла на той самой улице, которую искала.

– Это здесь.

Изабель взяла женщину под руку и подвела через кованые ворота к богатому зданию с оконными ставнями, свежепокрашенными в зеленый. Три разбрызгивателя орошали пальмы, высаженные ровными рядами на придомовой территории.

– Но мне нужно в порт, мадам. Я ищу доктора Ортегу.

Голос слепой русской женщины звучал возмущенно, словно ее привели сюда силой, против ее воли. Изабель изучила медные таблички на домофоне с выгравированными именами жильцов и зачитала их вслух:

– Перес, Орси, Бергель, доктор Ортега.

Вот его имя. Он живет здесь, пусть даже женщина с этим не соглашается.

Изабель нажала на кнопку рядом с именем доктора Ортеги, не обращая внимания на русскую, которая яростно рылась в сумке из крокодиловой кожи, а потом извлекла на свет потрепанный карманный словарь.

В голосе, раздавшемся из полированного латунного динамика, слышался мягкий испанский акцент. Голос спросил по-французски:

– Кто там?

– Меня зовут Изабель. К вам пришла посетительница. Она ждет внизу.

Полицейская сирена заглушила ее слова, и пришлось повторить.

– Вы сказали, вас зовут Изабель?

Этот простой вопрос почему-то ее растревожил. Словно ее уличили в том, что она кем-то притворяется.

Домофон запищал. Изабель толкнула стеклянную дверь в тяжелой деревянной раме, ведущую в отделанный мрамором вестибюль. Русская в испачканных темных очках не желала входить в дом. Она стояла на месте и упрямо твердила, что ей нужно в порт.

– Вы еще здесь, Изабель?

Почему доктор не спустится и не встретит слепую женщину?

– Вы не могли бы спуститься и встретить пациентку?

– *Señora, soy doctor en filosofía.* Это не пациентка. Это моя студентка.

Он опять рассмеялся. Хриплым и гулким смехом курильщика. Изабель услышала его голос в домофоне и подошла ближе к динамику.

– Моя студентка так рвется в порт, потому что желает вернуться в свой Санкт-Петербург. Она не желает сидеть на уроке испанского и поэтому упорно не верит, что она здесь, а не там. *Ella no quiere estar aquí.*

Он был игрив и кокетлив, этот мужчина, располагающий временем говорить загадками с безопасного расстояния через домофон.

Ей хотелось быть такой же, как он: беспечно шутить, и валять дурака, и играть с каждым мгновением, что принесет тебе день, что бы он ни принес. Что привело ее сюда? Где она сейчас? Как обычно, убегает от Йозефа. От этой мысли глаза защипало от слез. Она разозлилась. Нет, только не это, только не Йозеф, только не снова. Она развернулась и пошла прочь, оставив русскую на мраморной лестнице; та, вцепившись в перила, продолжала настойчиво утверждать, что пришла не туда и ей надо в порт.

Уже стемнело. Изабель чувствовала запах моря. Над ее головой кричали чайки. Сладкий, с дрожжевым привкусом запах из *boulangerie* через дорогу струился над припаркованными машинами. Семьи возвращались с пляжа, несли надувные мячи, раскладные шезлонги, разноцветные полотенца. Пекарня внезапно наполнилась мальчиками-подростками, которые зашли за пиццей. На другой стороне улицы давешний механик все-таки оживил свой мотоцикл. Мотор победно взревел. Изабель была еще не готова вернуться домой и опять притворяться той женщиной, которой она была раньше. Она решила пройтись по Английской набережной и после часа прогулки – или ей только казалось, что часа, – зашла в один из ресторанов на пляже рядом с аэропортом.

Взлетающие самолеты низко скользили над черной водой. На галечных склонах, спускающихся к морю, студенты распивали пиво. Смешливые, яркие, самодовольные, они громко переговаривались и заигрывали друг с другом, всю наслаждаясь летней ночью на городском пляже. Их жизнь выходила на новый этап. Новые работы. Новые идеи. Новые дружбы. Новые любви. Она сама пребывала на середине жизненного пути: ей почти пятьдесят, она видела много крови, конфликтов и горя по работе, прижавшей ее вплотную к миру, наполненному страданием. Ее не отправили освещать геноцид в Руанде, но двое ее коллег были там и вернулись потрясенными и совершенно раздавленными. Они рассказывали, их разум отказывался

поверить в масштаб человеческих жертв: их собственные глаза стекленели, глядя в остекленные глаза сирот. Изголодавшиеся собаки научились питаться человеческой плотью. Коллеги не раз наблюдали собак с кусками человеческих тел в зубах. Но и без ужасов Руанды, которых ей не пришлось видеть собственными глазами, она слишком тесно соприкасалась с несчастьем и болью мира, и ей уже не удастся начать сначала. Она могла бы начать сначала, если бы ей удалось забыть все, что, по идее, должно было бы закалить ее дух, сделать сильной и мудрой. Неискушенная, наивная, полная надежд, она бы опять вышла замуж, и опять родила бы ребенка, и беззаботно пила бы пиво со своим юным, невероятно красивым мужем ночью на городском пляже. Вновь зачарованные новички в самом начале прекрасной жизни, они целовались бы под яркими звездами. Ради такого и стоило жить.

Большая семья из женщин и их детей заняла целых три столика, сдвинутых вместе. У всех членов семейства были одинаково высокие скулы и одинаково темные жесткие волосы, похожие на проволоку. Они ели какое-то замысловатое мороженое, разложенное разноцветными завитками в стеклянные бокалы объемом в пинту. Официант зажег бенгальские огни, торчавшие из шапок взбитых сливок, – и все заохали, и заохали, и захлопали в ладоши. Изабель замерзла в своем летнем платье, слишком открытом для столь позднего ночного часа. Мамаши, кормившие детей мороженым с длинных серебряных ложек, с любопытством поглядывали на задумчивую одинокую женщину с голыми плечами. Как и официантов, их, кажется, оскорбляло ее одиночество. Ей пришлось дважды сказать официанту, что она никого не ждет. Когда он грохнул заказанный эспрессо на пустой столик для двоих, почти весь кофе пролился в блюдо.

Она наблюдала, как волны бьются о гальку. Море вбирало в себя пластиковые пакеты, скопившиеся на пляже за день. Пытаясь растянуть то, что осталось от кофе, на время, достаточное, чтобы оправданно занимать место за столиком на двоих, она гнала от себя мысли, которые возвращались, как волны на берег.

В их лондонском доме она существовала как призрак. Когда она возвращалась домой из очередной зоны военных действий и обнаруживала, что крем для обуви или запасные лампочки переложены в другое место, вроде бы почти туда же, где раньше, но все-таки *не туда*, она понимала, что в собственном доме у нее тоже нет постоянного места. Чтобы делать работу, выбранную для себя в этом мире, она рисковала лишиться места жены и матери, непостижимого места, населенного призраками всего, что было бы взвалено на нее, если бы она осталась. Она пыталась быть кем-то, кого совершенно не понимала. Женщиной сильной, но хрупкой. Даже если она понимала, что быть волевой и решительной не значит быть сильной, а быть нежной не значит быть хрупкой, она не знала, как приложить это к собственной жизни, и к чему это все приведет, и чем это может утешить, когда субботним вечером ты сидишь у моря в одиночестве за столиком на двоих. Когда она возвращалась в Лондон из Африки, Ирландии или Кувейта, Лора иногда приглашала ее пожить в кладовой над их с Митчеллом магазином в Юстоне. В каком-то смысле это был период выздоровления. Изабель целыми днями лежала в кровати, и когда в магазине не было посетителей, Лора приносила ей чай. У них не было ничего общего, кроме того, что они знали друг друга целую вечность. Время, проведенное вместе, хоть что-то, да значило. Им не надо было ничего объяснять друг другу, или проявлять вежливость, или заполнять паузы в разговорах.

Она пригласила Лору с Митчеллом пожить с ними на вилле во Франции и удивилась, как быстро они согласились. Практически сразу. Обычно, чтобы закрыть магазин и привести в порядок дела, им требовалось больше времени.

Бенгальские огни на бокалах с мороженым уже догорели. Одна мамаша вдруг заорала на своего пятилетнего сына, уронившего мороженое на пол. Это был вопль лютой ярости. Изабель видела, что женщина страшно устала. И эта усталость прорвалась гневом. Женщина ползала на коленях, стирая мороженое с пола бумажными салфетками, которые ей беспрестанно пере-

давала многочисленная родня. Изабель чувствовала безмолвное неодобрение, исходившее от этих женщин, когда они с осуждением поглядывали на нее, сидевшую в одиночестве, но была им благодарна. Она обязательно приведет Нину в этот ресторан и купит дочке мороженое с бенгальскими огнями. Эти женщины устроили своим детям маленький праздник, и он послужит ей образцом для подражания.

## Стены, которые смыкаются и размыкаются

Нина наблюдала, как Китти Финч прижимает ладони к стенам гостевой комнаты, словно пробуя их на прочность. Крошечная комнатка выходила на задний двор виллы, желтые шторы на единственном окне были плотно задернуты. Из-за этого в комнате было темно и душно, но Китти сказала, что ей так нравится. Они слышали, как наверху в кухне Митчелл фальшиво поет что-то из «АББЫ». Китти сказала Нине, что она проверяет стены не просто так. У виллы шаткий фундамент. Три года назад бригада халтурщиков из Ментоны делала здесь капитальный ремонт. Трещины расползлись повсюду, и горе-работники наскоро залепили их совершенно неправильной штукатуркой.

Нина не уставала поражаться, как много всего знает Китти. А что такое тогда правильная штукатурка? Китти Финч приходилось работать в строительной отрасли? Как ей удавалось собирать волосы так, чтобы они не выбивались из-под защитной каски?

Китти как будто прочла ее мысли, потому что сказала:

– В правильной штукатурке обязательно должен быть известняк.

Встав на колени, она принялась рассматривать растения, которые собрала на церковном кладбище сегодня утром.

Ее зеленые ногти бережно поглаживали треугольные листья и белые соцветия, которые, как Китти объявила, сморщив нос, пахли мышами. Она собирала семена растений, чтобы их изучить, и Нина, если захочет, может ей помогать.

– Что это за растение?

– Это *Conium maculatum*. Из того же семейства, что фенхель, укроп, пастернак и морковь. Я удивилась, когда увидела, что он растет на церковном дворе. У него листья, как у петрушки, да?

Нина не знала, какие листья у петрушки.

– Болиголов пятнистый. Твой папа наверняка знает, что это такое. Раньше детишки делали из болиголова свистульки, и многие отравились, потому что он ядовитый. Но древние греки считали, что он лечит опухоли.

Китти не сиделось на месте. Развесив в шкафу все свои летние платья и расставив на полке несколько изрядно потрепанных, вусмерть зачитанных книг, она побежала наверх, чтобы еще раз посмотреть на бассейн, хотя на улице было уже темно.

Вернувшись, она объяснила, что в бассейне теперь есть подсветка.

– В прошлом году ее не было.

Она достала из синей холщовой сумки плотный конверт формата А4 и принялась задумчиво вертеть его в руках.

– Это стихотворение, – сказала она, помахав Нине конвертом, – которое твой папа обещал прочитать сегодня вечером. – Она слегка прикусила верхнюю губу. – Он сказал, чтобы я положила его на столик у дверей его спальни. Сходишь со мной?

Нина проводила Китти Финч к спальне родителей. Их комната была самой большой во всем доме – с примыкавшей к ней роскошной ванной с золочеными кранами, напорным душем и кнопкой, которая превращала обычную ванну в джакузи. Нина показала на маленький столик у стены рядом с дверью родительской спальни. На столике стояла ваза. Вокруг нее были в беспорядке разбросаны сухие цветы, очки для плавания, старые фломастеры, ключи и открытки.

– Ой, это ключи от насосной камеры! – радостно воскликнула Китти. – Там стоит все машинное оборудование для бассейна. Я оставлю конверт под вазой.

Она сморщила лоб, задумчиво глядя на конверт в руках, сделала глубокий вдох и тряхнула кудрями, как будто у нее в волосах что-то запуталось.

– Нет. Наверное, лучше просунуть конверт под дверь. Так он быстрее его увидит и быстрее прочтет.

Нина хотела сказать, что это не только папина спальня, но и мамина. Однако растерялась и не сказала ни слова, потому что Китти Финч говорила странные вещи.

– Иногда надо рискнуть, не задумываясь о последствиях. Как будто ты переходишь дорогу с закрытыми глазами... и не знаешь, что произойдет в следующую секунду. – Она запрокинула голову и рассмеялась. – Напомни завтра свозить тебя в Ниццу. Я угощу тебя лучшим на свете мороженым. Ты такого еще не пробовала.

Когда рядом Китти, ты как будто стоишь возле пробки, вылетевшей из бутылки. Сначала слышится громкий хлопок, когда газы рвутся наружу, – а потом вдруг пьянящие брызги летят во все стороны, и все вокруг пенится и искрится.

Митчелл позвал их ужинать.

## О хороших манерах

– Жена поехала в Ниццу сдать туфли в починку, – театрально объявил Джо Джейкобс всем собравшимся за столом.

Его тон предполагал, что он просто ставит их перед фактом и не ждет никакого ответа от аудитории. Все это поняли и прониклись. Заявление осталось без комментариев.

Митчелл, неизменный самопровозглашенный шеф-повар, полдня провозился на кухне, как-то по-хитрому запекая огромный кусок говядины, который был куплен на рынке сегодня утром, и Джо настоял на том, чтобы за него заплатить. Сейчас Митчелл торжественно резал мясо, сочившееся розовой кровью.

– Мне не нужно, спасибо, – вежливо проговорила Китти.

– Ну только кусочек.

Ломтик кровоточащего мяса сорвался с его вилки и плюхнулся ей на тарелку.

– «Только кусочек» – любимая фраза Митчелла. – Джо заправил салфетку за воротник рубашки.

Лора налила всем вина. Она надела на ужин африканское ожерелье из витых золотых нитей, украшенных семью жемчужинами.

– Ты похожа на невесту, – с восхищением заметила Китти.

– Как ни странно, – ответила Лора, – это и есть свадебное ожерелье. Кенийское свадебное ожерелье. Из нашего магазина.

Глаза Китти слезились от хрена, который она ела ложками, как варенье.

– И что вы с Митчеллом продаете в вашей комиссионке?

– В антикварно-этническом магазине, – поправила ее Лора. – Мы продаем старинное персидское, турецкое и индийское оружие. И дорогие африканские украшения.

– В общем, по мелочи приторговываем оружием, – вставил свое слово Митчелл. – А в свободное время продаем эксклюзивную мебель из кожи страусов.

Джо скатал ломтик мяса в рулончик и окунул в миску с хреном.

– Мебель делается из страусов, а хрен – из коняшек, как он есть конский редис, – произнес он нараспев.

Нина швырнула нож на тарелку:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.